

Александр Гаврилин

Миссионерская работа православною буховенства среби староверов на территории современной Латвии в начале XX века

Echa Przeszłości 9, 155-164

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Александр Гаврилин
Латвийский Университет

МИССИОНЕРСКАЯ РАБОТА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА СРЕДИ СТАРОВЕРОВ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛАТВИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В трех прибалтийских губерниях Российской империи (Лифляндской, Курляндской и Эстляндской) в начале XX века господствовало лютеранское вероисповедание, в инфлянтских уездах Витебской губернии (в Латгале) подавляющее большинство населения принадлежало к римско-католическому вероисповеданию, однако в каждом уезде как Прибалтийского края, так и Витебской губернии проживали также православные и староверы. Как отмечал Витебский Епархиальный Училищный Совет, характерной особенностью инфлянтских православных приходов была «разбросанность православных прихожан среди иноверческого населения по разным селениям, поселкам и застенкам, отдаленным от приходских храмов»¹. Подобная же ситуация наблюдалась также в Лифляндской и Курляндской губерниях. Как писал в конце XIX века православный архиепископ Рижский и Митавский Арсений (Брянцев), «православные живут между лютеран и между людей других вероисповеданий. Этих обитателей Прибалтийского края безмерное большинство сравнительно с православными. Какая же нужна осторожность, твердость и непоколебимость, чтобы это подавляющее большинство не поглотило нашего меньшинства»². Достаточно много на территории современной Латвии было и смешанных по конфессиональному составу семей. Так, например, супругами многих прихожан православной Люцинской

---

¹ Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1892. №7. с. 102–103.

² Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. II, ч. III. Рига. 1898. с. 248–249.

(Лудзенской) Св. Успенской церкви были католики, лютеране и староверы, причем, судя по донесениям настоятелей храма, работа с ними не проводилась, наоборот, в XIX веке ежегодно от 15 до 20 прихожан этой православной церкви «совращались» в католичество или староверие³.

Отношение православного духовенства к староверам зависело, во-первых, от общего направления государственной политики в этом регионе, которое через Рижскую и Полоцкую Духовные консистории доводилось до сведения благочинных и настоятелей приходов; во-вторых, от местной специфики межконфессиональных отношений. После польских событий 1863–1864 годов правительство с помощью Св. Синода настоятельно потребовало от инфлянтского духовенства усилить миссионерскую работу среди неправославных и, прежде всего, среди католического населения. Однако в условиях, когда католическое население в десятки раз превосходило численность православного населения, когда широко распространенным явлением были смешанные браки православных с католиками, когда подавляющее большинство местных крупных землевладельцев по своему вероисповеданию были католиками, когда бедные, даже убогие православные церкви своими размерами и интерьером сильно проигрывали огромным, богато украшенным католическим храмам, такая работа не могла быть сколько-нибудь эффективной. Как отмечало собрание духовенства Полоцко-Витебской епархии в 1905 году, «...много заманчивого представляет внешняя обстановка католического богослужения, отличающаяся большей торжественностью, чем богослужение в православных церквях. Самые церкви православные во многих приходах поражают своей бедностью... Помещики-католики прямо заставляют крестьян ходить к ксендзу под угрозой лишить земли или куска хлеба. Католическое население гораздо больше имеет среди себя людей грамотных. Католики гораздо более, чем православные, осведомлены с истинами своей веры и исповедуют посему ее более сознательно... Нужно приходы с упорствующим населением прежде всего обеспечить материально... Не нужно смущаться отпадениями православных в католичество: отпадают или совсем недостойные члены Церкви или сделавшиеся таковыми после по нашей вине»⁴. В 80-х годах XIX века, с началом в прибалтийских губерниях русификаторской политики, правительство попыталось административным порядком распространить православие и в этих губерниях. Однако эти попытки не были поддержаны управлением Рижской епархии и приходским духовенством, которые прекрасно понимали, что административные меры не только не пойдут на пользу Православной Церкви, но и могут нанести ее престижу в регионе непоправимый вред. Необходимо было учитывать и то обстоятельство, что большинство православных Прибалтики принадлежали

---

³ Архив Люцинского Благочиния (далее – АЛБ), «Исповедные росписи Люцинской Св. Успенской церкви за 1845, 1846, 1847, 1848, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1897, 1901, 1906, 1907, 1914 гг.».

⁴ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1905. №27. с. 1134.

к крестьянскому сословию и в материальном отношении зависели от прибалтийских немцев, которые, в свою очередь, исповедовали лютеранство. В этих условиях православное духовенство более волновало не то, как увеличить свою паству за счет обращения к православию староверов, а как в условиях иноверного окружения максимально сохранить своих прихожан от попыток перехода в лютеранство (в Прибалтийском крае) или в католичество (в инфлянтских уездах Витебской губернии).

На протяжении всего XIX века царское правительство проводило антистарообрядческую политику, однако формы реализации этой политики варьировались. Во время правления Николая I (1825-1855), который не допускал другого православия, помимо подчиненного государству, была предпринята попытка репрессивными мерами уничтожить «раскол». Александр II не отменил законы и постановления, принятые против староверия во время правления его отца, однако на практике они или вообще не применялись или же применялись выборочно, только против отдельных староверов. Известно, что во время польских событий Александр II, растроганный тем, что староверы поддержали правительство, считал нужным принять делегацию староверов и заявить им: «Я рад вас видеть и благодарю за сочувствие общему делу. Мне хотели вас очернить, но я этому не поверил и уверен, что вы – такие же верноподданные, как и все прочие. Вы мои дети, а я – ваш отец и молю Бога за вас так же, как и за всех, которые так же, как и вы, близки моему сердцу»⁵. Тем не менее вскоре после этого заявления Александр II подписал «предначертания» Особого комитета по делам о раскольниках, по которым староверы были отнесены к «менее вредным» сектам. Им разрешалось за свой счет учреждать школы грамоты для детей, однако в этих школах можно было преподавать лишь чтение, письмо и четыре правила арифметики; разрешалось при погребениях на кладбищах «творить молитву» с пением, но без употребления церковного облачения; разрешалось ремонтировать свои молитвенные дома и часовни, однако эти здания не могли иметь крестов и наружных колоколов. Этими «предначертаниями» (приняты 16 августа 1864 года) староверов приравнивали к другим «менее вредным» сектантам, т. е. к молоканам, жидовствующим, шелапутам и др., которые даже не имели признаков церковности. Наделение староверов такими «правами» было воспринято старообрядчеством в качестве оскорбления. В 1876 году староверы обратились к правительству с просьбой изъять их «из этой позорной для них классификации», разрешить им сопровождать покойников на кладбище с несением Св. Иконы впереди, разрешить в старообрядческих школах преподавание Закона Божия. Однако и это прошение, как и сотни других, в разное время подававшихся правительству старообрядцами, осталось без внимания. В 1874 году была разрешена гражданская метрическая запись браков, рождений и смертей староверов в полицейских управлениях. Тем самым, с одной стороны, наконец узаконивались старообрядческие браки, но,

---

⁵ Цит. по: Русское Православие: вехи истории. Москва. 1989. с. 370.

с другой, сами браки в полицейских метриках именовались «раскольническими» и от записывающихся требовалось представить доказательства, что они «раскольники» от рождения и никогда ни они сами, ни их родители не были православными, а большинство староверов не могли представить таких доказательств⁶. В 1875 году комиссия МВД, созданная для выработки нового законоположения о староверах, получила следующую директиву: «Мероприятия правительства по отношению к расколу хотя и не должны носить на себе характера преследования его, но в то же время не могут быть направлены к послаблению, а тем менее к покровительству раскола»⁷. Руководствуясь этой, очень туманной директивой МВД разработало новый закон о старообрядцах, утвержденный 3 мая 1883 года. По этому закону старообрядцам разрешалось иметь паспорта «на отлучки внутри империи»; заниматься торговлей и промыслами; вступать в иконописные цехи; занимать общественные должности волостного старшины или его помощника; «творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужение»; ремонтировать свои молитвенные здания, но «без перемены наружного вида и всякий раз с разрешения губернатора»; распечатывать закрытые ранее молитвенные здания, но на каждый такой случай нужно получить особое разрешение министра внутренних дел и обер-прокурора Св. Синода; предношение иконы при погребении умерших и творение молитвы с пением на кладбище, но без употребления церковного облачения⁸. По сути, тем самым узаконивалась зависимость старообрядчества от усмотрения министра внутренних дел, обер-прокурора Св. Синода и местных губернаторов.

Последние драконовские меры против староверов были введены в 1900 году, когда от старообрядческих духовных лиц потребовали дать подписку, что они не будут именовать себя духовным званием и совершать богослужения. На рубеже XIX–XX веков в Российской империи возобновились дебаты о необходимости реформирования положения религиозных конфессий, однако реальные изменения начались только в период революции 1905–1907 годов. 17 апреля 1905 года вышел царский указ о веротерпимости, по которому староверы официально стали называться старообрядцами, а не «раскольниками», получили право строить свои храмы, открывать новые приходы. В соответствии с указом от 17 октября 1906 года и законом, принятом Государственной Думой в 1913 году, старообрядческое духовенство признавалось государством в качестве духовных лиц, староверам разрешалось иметь свои скиты и монастыри, открывать свои школы и духовные учебные заведения. Однако вплоть до 1917 года староверам по-прежнему было строжайше запрещено «сворачивать» православных.

---

⁶ Ф.Е. Мельников, Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул. 1999. с. 256–259.

⁷ С. Г. Рункевич, Русская Церковь в XIX веке. СПб. 1901. с. 214.

⁸ Ф.Е. Мельников, Указ. соч. с. 371–372.

Разумеется, Рижская и Полоцкая Духовные консистории регулярно доводили до сведения благочинных и настоятелей православных приходов все антистарообрядческие указы правительства и распоряжения Св. Синода, однако, как правило, не требовали их неукоснительного соблюдения. В условиях преобладающего лютеранского (в прибалтийских губерниях) и католического окружения (в инфлянтских уездах Витебской губернии) староверие не было для местных православных приходов основным конкурентом. Более того, выступив во время волнений 1863–1864 годов против польских повстанцев, староверы наглядно продемонстрировали, что в западных губерниях они не являются оппозицией политике правительства, а, наоборот, представляют собой так наз. «русский патриотический элемент» во враждебной российскому правительству польско-католической среде, то есть являются потенциальными союзниками деятельности Русской Православной Церкви в этом регионе. Руководство Рижской и Полоцко-Витебской епархий не могло не принимать во внимание многочисленные указания Св. Синода по усилению борьбы с «расколом», однако, как правило, придавало этой работе только формальный характер, понимая, что главным для православного духовенства края является не борьба с так называемым «расколом», а «ограждение» своей собственной паствы «от увлечения» иноверием, «утверждение своих пасомых в истинах Православной веры»⁹. В конце XIX века в каждой епархии были учреждены должности епархиальных и окружных миссионеров, специализирующихся на работе со староверами, однако миссионеры скорее создавали видимость работы со староверами, чем реально пытались убедить их перейти в православие. В 1901 году Полоцкая Духовная консистория была вынуждена признать, что миссионерская работа в старообрядческой среде практически не проводится, а священники епархии «...в своей миссионерской деятельности обнаружили недостаточность внимания, знания и осторожности, чем скорее могут принести вред, а не пользу делу миссии». Консистория предписала священникам впредь в миссионерской работе действовать «одними церковными способами», «...не прибегать по возможности в деле миссии к полицейским и судебным мерам, стараясь действовать на раскол словом убеждения и увещания»¹⁰.

Православные миссионеры, если и проводили со старообрядцами беседы, то, как правило, только индивидуальные, причем никогда в своих отчетах не указывали, с кем же конкретно были проведены эти беседы, и подействовали ли они на староверов. Все же попытки проведения публичных бесед ни к чему не приводили, так как «старообрядцы бесед не любят и не посещают». Как правило, такие беседы носили чисто формальный характер: вначале священник объяснял, почему верующие должны объединяться вокруг Церкви,

⁹ АЛБ, 1907, «Рапорт благочинного Люцинского округа в Витебский противораскольнический и противосектантский комитет от 8 марта 1907 г.».

¹⁰ Там же, 1901, «Указ из Полоцкой Духовной консистории от 19 июля 1901 года».

потом кто-нибудь из староверов возражал священнику, что «Церковь не стены и покров, Церковь внутри нас, собрание христиан», после чего староверы заявляли, что подумают и расхотелись по домам. По признанию благочинных, публичные беседы со староверами часто имели только обратный эффект, так как «настраивают старообрядцев враждебно к православным», поэтому публичные беседы проводили крайне редко, ссылаясь на то, что «священники в публичные беседы вступать не решались по своей неподготовленности к ним». Состоявшийся в июне 1901 года в Витебске Епархиальный миссионерский съезд пришел к выводу, что «... в общей массе раскольники проявляют меньше фанатизма, ...стали терпимее к православным», однако «раскольники по-прежнему представляют огромную силу» и практически не переходят в православие¹¹.

Интересную характеристику постановке миссионерской работы в среде староверов и сектантов прибалтийских губерний в начале XX века дал священник А. Петерсонс. Вспоминая годы учебы в Рижской Духовной семинарии, Петерсонс отмечал, что миссионерская работа в семинарии «...ставилась неправильно. Ясно припоминаю одну беседу в семинарском зале, которую вел о. протоиерей Владимир Игнатьевич Плисс с начетником бегунов. Этому раскольнику была доказана на основании старопечатных книг неправильность его учения, и было приведено 27 мест из этих книг, подтверждающих Православное учение. Но начетник привел 27 мест из тех же книг, подтверждающих учение раскола, и в заключении сказал: «А все-таки я тебя победил». Опираясь на описание этой беседы, Петерсонс приходит к выводу, что «это борьба непригодными средствами, если «за» какое-либо учение и «против» него по одним и тем же книгам можно привести столько текстов. Здесь никому ничего доказать нельзя». Резкой критике Петерсонс подверг и так наз. «публичные собеседования» со староверами. По его мнению, «на этих собеседованиях каждая сторона, не всегда ради выяснения истины, а в подтверждение своего учения старается привести какие-нибудь тексты Св. Писания, прямо даже не относящиеся к обсуждаемому вопросу и его не выясняющие. Делается это с единственной целью не дать себя видимо победить противнику. Сомнительно также, чтобы эти собеседования часто посещали люди, действительно ищущие истины...». Духовенство не должно тратить время на проведение подобных собеседований, которые не приносят никакого результата, а «обратить самое серьезное внимание на то, чтобы оградить своих прихожан от соращения в сектантство и старообрядчество... укрепить веру маловерного»¹².

---

¹¹ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1896. № 32. с. 1145; Двинский уездный миссионер, священник Илларион Пирогов. Дневник миссионера// Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 5. с. 173–180; Прибавления к Церковным Ведомостям. 1901. №28. с. 993–994; Епархиальный миссионерский съезд о. о. благочинных и его постановления// Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1912. № 17. с. 324.

¹² Священник А.Петерсонс. О приходской миссии// Рижские Епархиальные Ведомости. 1914. № 11. с. 348–353.

Главный специалист по работе со староверами в Рижской епархии в конце XIX – начале XX веков, преподаватель курса «История и обличение раскола» в Рижской Духовной семинарии, протоиерей Владимир Плисс писал о публичных собеседованиях со старообрядцами: «народу было на всех беседах много и это дает право заключать, что они не лишены значения и не отжили еще своего века, как утверждают многие в нынешнее время. Правда, значение миссионерских бесед, как средства привлечения старообрядцев в лоно Православной Церкви, не так очевидно и может быть даже оспариваемо... Старообрядцы слепо, фанатично уверены в своем правоверии и остаются глухими к самым наглядным, самым очевидным доказательствам их неправоверия. В рассуждениях своих они догматичны, они не стараются обосновывать свои взгляды, признавая их непогрешимость. Миссионерские беседы для них малоубедительны». Возникает вопрос: зачем тогда проводятся такие собеседования, если переубедить староверов невозможно? Протоиерей Владимир Плисс, отвечая на этот вопрос, приходит к следующему выводу: собеседования нужны не для обращения староверов в православие (это невозможно), а прежде всего для того, чтобы утвердить в вере самих православных и единоверцев и «парализовать пропаганду староверия среди православных»¹³.

Староверы-беспоповцы на территории современной Латвии вели замкнутый образ жизни в своих деревнях, в которые православному священнику, как любому «никонианину окаянному», был просто закрыт доступ. Так, священник Бриговского прихода Иоанн Марковский докладывал в 1901 году Люцинскому благочинному, что «в деревне Лидексна Нерзенской волости проживают 58 раскольников федосеевского толка (это исключительно федосеевская деревня) ... не знаю их жизни, ни внутренней, ни внешней»¹⁴. Вообще, следует отметить, что приходское православное духовенство минимально общалось со старообрядческим населением. Судя по рапортам настоятелей храмов, православное духовенство видело только отдельных староверов, которые изредка заходили в православные церкви или же тех староверов, которые состояли в браке с православными. Интересно отметить, что, как правило, настоятели инфлянтских и прибалтийских православных храмов даже не знали точной численности староверов, проживающих на территории православных приходов, и в своих отчетах указывали только «примерное» их количество. Следует отметить, что уже с 60-х годов XIX века местное православное духовенство в своих отчетах указывало «общее количество прихожан», из которых «столько-то» человек являются «раскольниками», то есть по сути признает, что староверы также являются православными. Однако даже в начале XX века прибалтийские и инфлянтские благочинные в своих

¹³ Миссионерские беседы с именуемыми старообрядцами в 1906 году в Риге в единоверческой церкви// Рижские Епархиальные Ведомости. 1907. № 20. с. 216–217.

¹⁴ АЛБ, 1901, «Дело Люцинского благочиния. Копии разного рода ведомостей и отчетов за 1901 г.».

рапортах указывали только примерную численность староверов. Так, Люцинский благочинный писал в 1907 году, что «...общее число раскольников в приходах благочиния осталось прежнее – именно 1813 мужского пола и 1768 женского пола, но количество это нельзя считать вполне правильным, так как проверка раскольнических поселений по приходам благочиния последние три года не производилась»¹⁵. Местные Духовные консистории неоднократно замечали, что все попытки выяснить у духовенства точную численность староверов кончались неудачей, так как консистория на все свои запросы «...от настоятелей получает не фактические данные, а общие фразы, повторение одного и того же»¹⁶.

После принятия указа 17 апреля 1905 года о веротерпимости епископ Полоцкий и Витебский Серафим (Мещеряков) заметил, что отныне «меры административные потеряют всякую силу... Да и вообще полицейские меры – не меры Церкви. У Церкви меча нет, а если раскольники терпели стеснения, то только потому, что этого хотело правительство. Теперь же правительство само отнимает у себя меч. Духовенство должно бороться исключительно пастырскими средствами». И с 1906 года в отчетах благочинных Полоцко-Витебской епархии появились совсем необычные фразы: «К разного рода иноверным духовенство округа старается относиться мирно и любовно, в особенности к старообрядцам и их наставникам. Но что касается католических ксендзов, то с ними духовенство без крайней нужды не входит ни в какие отношения»¹⁷. Думается, что в инфлянтских уездах, где староверы численно превосходили православных, мирное сосуществование православных с «древлеправославными» вполне устраивало церковное руководство, которое прекрасно понимало, что активизация работы среди староверов может вызвать их ответную реакцию, обострит ситуацию в приходах и приведет к ухудшению и без того сложного положения паствы православных храмов. Кроме того, с 1906 года, с начала парламентской эры в истории Российской империи, староверы Прибалтики и Инфлянтсии стали рассматриваться в качестве потенциальных союзников православного меньшинства в противовес лютеранскому (в прибалтийских губерниях) и католическому (в инфлянтских уездах) большинству на выборах в Государственную Думу.

И после указа 17 апреля 1905 года православные священники продолжали по инерции применять термин «раскольники», постепенно расширяя его употреблением термина «раскольники и старообрядцы», однако работа по

---

¹⁵ Там же, 1907, «Рапорт благочинного Люцинского округа в Витебский противораскольнический и противосектантский комитет от 8 марта 1907 года».

¹⁶ Там же, 1901, «Указ из Полоцкой Духовной консистории от 19 июня 1901 года».

¹⁷ Беседа Преосвященного Серафима с представителями духовенства// Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 5. с. 158; АЛБ, 1906 г., «Рапорт благочинного Люцинского округа в Витебский противораскольнический и противосектантский комитет от 16 февраля 1906 года»; «Рапорт Его Преосвященству, Епископу Полоцкому и Витебскому Серафиму Люцинского благочинного прот. Феодора Никоновича о состоянии вверенного ему округа за 1906 год».

обращению староверов в православие перестает быть актуальной. После 1905 года в Прибалтике резко активизировали свою деятельность неопротестантские течения, особенно баптисты и адвентисты, под влиянием революции 1905 года в народной среде стремительно распространялись различного рода социалистические теории. На их фоне консерватизм староверов не только не казался православному духовенству опасным, но, наоборот, стал вызывать у него уважение. Показательно, что в 1913 году епархиальным миссионером Рижской епархии был назначен бывший баптистский проповедник Феодор Буцен. Переход Буцена в православие был назван «редким событием – достоянием всей Православной Церкви», по случаю которого епископ Рижский и Митавский Иоанн (Смирнов) получил поздравления со всех концов империи. С этим событием Иоанна поздравил и обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер: «поздравляю со светлым церковным торжеством! Искренно желаю присоединяемым к святой Церкви Буцену с семьей быть чадами света и наследниками вечных благ»¹⁸.

В целом, в начале XX века Православная Церковь на территории современной Латвии создавала только видимость работы по «обращению» староверов в православие, однако по-прежнему не делала никаких шагов для нормализации отношений со старообрядчеством. Миссионерская работа православного духовенства носила скорее оборонительный, чем наступательный характер. Основным объектом этой работы были не иноверцы и старообрядцы, а сама сравнительно немногочисленная паства православных приходов. В условиях лютеранского (в прибалтийских губерниях) и католического (в инфлянтских уездах Витебской губернии) окружения православное духовенство более волновало не то, как увеличить свою паству за счет обращения в православие староверов, а как максимально сохранить свою паству от переходов в иноверие или староверие. Как отмечало на своем очередном съезде православное духовенство инфлянтских уездов, главное осознать, что «всякий приходской священник по существу своего сана есть миссионер, обязанный следить за религиозным состоянием своего прихода и отвращать своих пасомых от увлечения лжеучением»¹⁹. Фактически эти два слоя населения – православные и староверы – в начале XX века сосуществовали параллельно, пересекаясь только в хозяйственных делах.

¹⁸ Р. С. П. Наша гибель и наше спасение// Рижские Епархиальные Ведомости.1910. № 1. – С. 4–12; Рижские Епархиальные Ведомости. 1914. № 2. с. 63, 191.

¹⁹АЛБ, 1906, «Акт съезда духовенства Люцинского благочиния, состоявшего в ноябре 1906 года».

SUMMARY

At the beginning of the 20th century, in the current territory of Lithuania, Latvia and Estonia, the Eastern Orthodox Church undertook activities aimed at converting followers of the Old Faith to the Orthodox faith. However, the missionary activity of the orthodox clergy was rather of a defensive than an offensive nature, and was targeted to a small Orthodox community living in this area. Since the area was dominated by much more numerous religious groups consisting of Lutherans and Catholics, the Orthodox clergy were not as much worried about the increase in the number of believers converted to the Orthodox faith, as about the maximum preservation of their possessions.